

Chelovek i tsivilizatsiya (Man and civilization). Saratov, 2012, no. 4, pp. 27–33.

13. Ustyantsev V. B. *Kontseptualizatsiya v sotsialnoy filosofii: klassicheskiye i postklassicheskiye nachala* (Conceptualization in social philosophy: classic and post-classic origins). *Vektory sovremennogo tsivilizatsionnogo*

razvitiya (Vectors of modern civilizing development). Saratov, 2003, pp. 32–40.

14. Solovyov V. S. *Istoriya i budushchnost teokratii* (History and future of teocracy). *Solovyov V. S. Sobraniye sochineniy: v 4 t.* (Complete works: in 4 vol.). Moscow, 1903, vol. 4, pp. 214–582.

УДК 316.772

УНИВЕРСАЛИИ КАК ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА РОССИИ И КИТАЯ

Устьянцев Владимир Борисович –

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Саратовский государственный университет
E-mail: ystvb@list.ru

Универсалии культуры образуют духовные основания для диалога современных этносов в пространстве глобализирующегося социума. В статье рассматриваются особенности универсалий культуры как важнейших элементов национальной памяти, выявляются социокультурные факторы, их влияния на национальный характер; анализируется роль культурных универсалий в жизненном пространстве российской и китайской цивилизаций; обсуждаются мировоззренческие, институциональные и коммуникативные начала культурных универсалий в межкультурном взаимодействии; выясняется связь мировоззренческих универсалий со стратегиями цивилизационного развития в условиях межкультурного диалога России и Китая.

Ключевые слова: духовные ценности, категории культуры, национальный характер, национальная самоидентичность, культурные коммуникации, институализация, национальные стратегии, межкультурный диалог, мировоззренческие универсалии.

Диалог культур в современном мире обретает парадигмальную направленность и основан на категориях, идеях, концептах, раскрывающих целостность социокультурного мира, его непосредственную связь с бытийственностью человека. Благодаря предельно емкому содержанию универсалии культуры вбирают жизненный опыт многих поколений, проходят испытание временем, становятся системообразующими факторами взаимодействия самых различных культур. Наиболее полно универсалии раскрываются в базовых категориях культуры, в ценностях национальной памяти. Как справедливо отмечает В.С. Степин, «категории культуры как универсалии культуры представляют собой некоторые схематизмы, посредством которых формируется человеческий опыт» [1, с. 11]. Представленные в таком контексте универсалии культуры образуют основы национальной памяти этносов, соотно-

сятся с базовыми национальными традициями, становятся важнейшими средствами национальной самоидентичности. Благодаря духовной направленности и емкой информационной структуре универсалии культуры как базовые структуры человеческого сознания образуют институциональные и мировоззренческие начала национального характера, активно воздействуют на содержание и формы межкультурного диалога.

В культурной жизни России и Китая универсалии культуры создают собственную иерархию, воплощающую национальные устои, традиции общения, представления об окружающем мире, о смысле человеческого существования и предназначении человека. Формируясь в качестве особых кристаллов жизненного опыта различных исторических общностей, культурные универсалии в национальном сознании подвергаются философской, религиозной, нравственной рефлексии. В истории культуры Китая значительное влияние на универсалии оказали конфуцианство и даосизм. Для основателя древнекитайской философии Лао-цзы исходной универсалией выступает Дао – Всеобщий Абсолют, которому подчиняются Природа и Человек. Дао становится Всеобщим Законом, где Земля управляет человеком, Землей управляет Небо, а Небом управляет Дао. Осознать эту универсалию становится главным смыслом жизни и подлинным счастьем для китайца. Дао как универсалия культуры превращается в высшую духовную ценность человека. На примере истолкования китайскими мудрецами (даосами) базовой универсалии можно проследить истоки формирования менталитета у китайцев. Дао

соотносится с принципом усредненности как «золотой середины» и культивирует чувство долга. Посредством системы ценностей базовая универсалия оказывает влияние на весь облик национального характера. В современном Китае широко распространено мнение, что каждый образцовый китаец в общественной жизни конфуцианец, а в душе остается даосом. В этом утверждении есть значительная доля истины. Нормативность поведения и уважительное отношение к порядку в обществе сформированы у китайцев во многом под влиянием конфуцианства, а вопросы смысла жизни и осознание ценностей культуры рождаются в духовном пространстве Даосизма. Сложившиеся под влиянием национальных универсалий в духовном пространстве личности эти черты национального характера оказывают воздействие на межкультурный диалог.

Иное культурное пространство для диалога обнаруживается в национальном характере русского человека. Вплоть до XX в. в национальном характере заметное влияние, по мнению Б. П. Вышеславцева, оказывают «не отчетливые идея, а бессознательные силы». Развивая эту мысль, философ отмечает, что в национальном характере русских «самые неожиданные и невероятные колебания судьбы вскрывают только его скрытые, но всегда присутствовавшие потенции, так что из глубокого понимания характера можно прочесть всю его судьбу» [2, с. 112]. С его точки зрения, стихия бессознательных сил в душе русского человека таит в себе опасность безудержного протеста, склонность к тотальному разрушению. Видимо, не со всеми утверждениями мыслителя, вызванными оценкой событий русской революции 1917 г., можно согласиться. Вместе с тем заслуживает внимания утверждение о стихийной направленности национального характера, где влияние и распространение базовых ценностей и категорий культуры наталкивается на область бессознательного в повседневной жизни и обыденном сознании. Опасные последствия стихийных сил действий ментальности русского человека коренятся, по мнению Д. С. Лихачева, в стремлении «во всем доходить до крайности, до пределов возможного». Эта черта национального характера непрерывно порождает риски для социальной устойчивости и коллективной безопасности. Стремление повседневного человека, политического лидера или элиты доводить сложившуюся ситуацию до грани возможного, притом в кратчайшие сроки, порождает напряженность, точно подмеченную Д. С. Лихачевым: «Россия благодаря этой черте всегда находилась на грани чрезвычайной опасности» [3, с. 5]. В

этой связи универсалии культуры, направленные на осознание целостности социокультурного мира, могут способствовать преодолению рискованных ситуаций.

Обращая внимание на взаимодействие универсалий культуры и национального характера в социокультурном пространстве российской и китайской цивилизаций, следует учитывать смысловые различия, разную степень значимости, формы воздействия универсалий на духовный мир этносов. Опираясь на имеющийся методологический опыт разделения универсалий в философии культуры, представленный в работах А. Я. Гуревича, В. С. Степина, А. С. Запесоцкого, можно говорить о «многослойности» универсалий, образующих категориальную модель мира. Мне представляется возможным выделить три уровня универсалий культуры, представленных мировоззренческими, инструменталистскими и коммуникативными универсалиями. Каждая из них в разной степени содержит мировоззренческое, институциональное и коммуникативное начала, вместе с тем в межкультурном взаимодействии сохранение одного из приоритетов оказывается решающими для реализации вполне конкретных социокультурных задач и жизненных установок русского и китайского этносов.

Мировоззренческие универсалии культуры по своей направленности обосновывают место и роль этноса в социокультурной картине современного мира. По своей социальной направленности эти универсалии совпадают со стратегиями национального возрождения: стратегией «возрождения России как мощной державы» и стратегией «мирного возвышения» Китая. Выражая определенные сферы влияния в культурном пространстве двух стран, стратегии национального развития вступают в противоречие с теоретическими установками западных политиков и философов, приверженных стереотипам западной культуры. В западных концепциях глобализации идея диалога культур порой подменяется темой столкновения различных ценностных миров. Эту проблемную ситуацию в форме вопрошания обозначил С. Хантингтон: «Будут ли всемирные институты, распределение власти, а также политика и экономика наций в двадцать первом веке отражать западные ценности и интересы или они будут определяться в первую очередь ценностями и интересами ислама и Китая?» [4, с. 284–285]. В вопросе американского политолога в латентной форме присутствует и ответ. Кризис современной стратегии американских интересов в глобальном мире подменяется темой столкновения культур Запада и Востока. На

стремление западных лидеров связать проблему диалога культур со стратегическими интересами США и западноевропейских стран указывает А. А. Гусейнов: «Идея диалога культур является, скорее, замаскированной и мягкой формой духовной агрессии Запада, чем внутренним убеждением <...> за диалог часто выступают те, у кого нет сил доминировать» [5, с. 183–184].

Новый горизонт межкультурных взаимодействий раскрывается в *инструменталистских универсалиях*. Они органически связаны с ценностями культурной жизни, институциональной средой конкретного социума и направлены на регулирование межгрупповых и межличностных отношений. Формами проявления универсалий выступают базовые этические категории: «долг», «ответственность», «свобода», «справедливость». Инструменталистские универсалии не только проявляются в ценностях и поведенческих стандартах, но также способны быть факторами управления системными рисками в пространстве культуры [6, с. 6–11].

Представленные универсалии культуры наиболее полно раскрываются в языковой культуре китайского и российского социумов. В языковой культуре Китая предстает многомерность национального характера. Понятие «национальный характер» включает в себя «мировоззрение», «интеллект», «реальное поведение». Эти идеальные формы проявления национального характера спонтанно возникают из переживаемых китайским этносом неповторимых событий, которые обладают внутренней преемственностью, причем в китайском национальном характере проявляется непоколебимое доверие к естественному ходу событий и базовым институтам общества. Последнее приводит к весьма устойчивой институциональной структуре национального характера, где удивительным образом переплетаются рационально мотивированные практические поступки, вера в справедливость властных структур и мифология, поддерживаемые символическими коммуникациями. По мнению ряда профессиональных писателей, историков (Бо Ян, Ли Мин, Лу Синь), у китайцев сильно развиты интуиция, подсознание, но нет науки умозаключения, и в этом они уступают европейцам [7].

В языковой картине мира русских людей понятийный ряд национального характера приобретает социальные оттенки в отношении к работе, другим людям, в представлениях о свободе и ответственности. На эти особенности русского характера обращают внимание многие исследователи: «Типичный россиянин, в любом деле работающий порывами (нередко творческими), скорее инертный, тревожно-со-

мневающийся мечтатель или грустновато-добродушный, ловкий в работе мастер» [8, с. 4]. В состоянии прорыва русский человек ценит свободу как вседозволенность, как свободу от всего. В национальной ментальности русского человека конкретное, образное видение мира оказывается предпочтительнее абстрактных рассуждений. По мнению В. В. Колесова, «знание» в русском языке отличается от «говорения», отсюда «важна не информация, а открытие нового, то самое *откровение*, которое всегда соотносилось скорее со смыслом глагола *ведать*, чем глагола *знать*» [9, с. 35]. В русском национальном характере на фоне определенного недоверия к рациональному видению мира большое значение имеют эмоциональное восприятие и чувственное познание мира, в которых по-своему раскрываются духовные и волевые качества русской души. Эмоциональная напряженность повседневной жизни выражается в ключевых словах языковой картины мира: неприкаянность, удаль, размах, судьба, счастье и др. В своей совокупности эти лексические единицы русского языка становятся ключом к пониманию русской культуры, русского национального характера.

Информационно-коммуникативный горизонт культуры отражает функциональные свойства национального характера в категориях прошлого, настоящего и будущего. *Коммуникативные универсалии* межкультурного общения проявляются в базовых категориях культуры и установках национальной памяти. Универсалии этого уровня органически связаны с ценностными ориентациями, историческим опытом межкультурного общения, поэтому несомненный интерес представляют результаты социологического опроса общественного мнения китайцев о России, проведенного Институтом России стран Центральной Азии и Восточной Европы Академии наук Китая в 2007 г. На вопрос «Считаете ли Вы Россию близкой и дружественной для себя страной?» ответы распределились следующим образом: 6,24% – очень близкой и дружественной; 36,47% – близкой и дружественной; 46,9% – обычной, не более близкой и дружественной, чем другие; 4,1% – не близкой и не дружественной; 4,54% – затрудняюсь ответить.

Среди причин, по которым китайцы выбрали два последних ответа, называют следующие: агрессия царской России в Китае, потенциальная опасность России для Китая, отсутствие возможности ведения бизнеса по определенным правилам [10, с. 130]. Результаты социологического опроса свидетельствуют, что на уровне группового и индивидуального

сознания смыслы универсалий межкультурного общения конкретизируются с учетом традиций и жизненного опыта осмысления реальных взаимоотношений между Россией и Китаем. Коммуникативные универсалии, раскрывающиеся в национальном характере, становятся важным условием развития межкультурного диалога между двумя странами, они обладают мощным социокультурным ресурсом для динамического развития в глобализирующемся мире.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая в условиях глобализации» (№ 12-33-09003).

Список литературы

1. Степин В. С. Философия и универсалии культуры СПб., 2000. 20 с.
2. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // *Вопр. философии*. 1995. № 6. С. 112–121.
3. Лихачев Д. С. О национальном характере русских // *Вопр. философии*. 1990. № 4. С. 3–6.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.
5. Диалог культур в глобализирующемся мире : мировоззренческие основания и ценностные приоритеты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. М., 2005. 312 с.
6. Устьянцев В. Б., Орлов М. О., Аникин Д. А., Федин Д. С. Институционализация и ценностные ориентации молодежи в обществе риска / под ред. М. О. Орлова. Саратов, 2010. 108 с.
7. Спешнев Н. А. Дискуссия об этнопсихологии китайцев // *Восток – Запад : историко-литературный альманах*. М., 2006. С. 254–263.
8. Длугач Т. Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М., 2008. 336 с.
9. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. 237 с.
10. Цзинь Хуа. Русский национальный характер глазами китайцев // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. URL: http://www.ojkum.ru/arc/2013_02/2013_02_16.html (дата обращения: 09.09.2014).

Universal as the Spiritual Foundations of Intercultural Dialogue Between Russia and China

V. B. Ustyantsev

Saratov State University

83, Astrakhanskaya, Saratov, 410002, Russia

E-mail: ystvb@list.ru

Universals of culture form the spiritual Foundation for the dialogue of modern ethnic groups in the space of globalizing society. The

article discusses the features of cultural universals as the most important elements of the national memory, identified socio-cultural factors and their impact on the national character, analyzes the role of cultural universals in the living space of the Russian and Chinese civilizations, discusses the worldviews, institutional and communicative beginnings of cultural universals in intercultural interaction. Explain the connection between worldview universals with strategies civilizational development in the context of intercultural dialogue between Russia and China.

Key words: spiritual values, the category of culture, national character, national self-identity, cultural communication, institutionalization, national strategies, intercultural dialogue, worldview universals.

References

1. Stepin V. S. *Filosofiya i universalii kultury* (Philosophy and universal culture). St.-Petersburg, 2000. 20p.
2. Vysheslavtsev B. P. Russkiy natsionalnyy kharakter (Russian national character. *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1995, no. 6, pp. 112–121.
3. Likhachev D. S. O natsionalnom kharaktere russkikh (On the national character of the Russian). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 1990, no. 4, pp. 3–6.
4. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* (The Clash of Civilizations). Moscow, 2003. 603 p.
5. *Dialog kultur v globaliziruyushchemsya mire: mirovozzrencheskie osnovaniya i tsennostnye prioritety*. *Otv. red. V. S. Stepin, A. A. Guseynov* (Dialogue of cultures in a globalizing world: ideological bases and valued priorities. Ed. by V. S. Stepin, A. A. Guseynov). Moscow, 2005. 312 p.
6. Ustyantsev V. B., Orlov M. O., Anikin D. A., Fedin D. S. *Instutualizatsiya i tsennostnye orientatsii molodezhi v obshchestve riska* (Institutionalizing and values of young people in risk society). Saratov, 2010. 108 p.
7. Speshnev N. A. *Diskussiya ob etnopsikhologii kitaytsev* (Discussion about ethnopsychology Chinese). *Vostok – Zapad: istoriko-literaturnyy almanakh* (East – West: Historical and literary almanac). Moscow, 2006, pp. 254–263.
8. Dlugach T. B. *Podvig zdravogo smysla, ili Rozhdenie idei suverennoy lichosti* (Feat of common sense, or the birth of the idea of the sovereign individual {Holbach, Helvetius, Rousseau}). Moscow, 2008. 336 p.
9. Kolesov V. V. *Yazyk i mentalnost* (Language and mentality). St.-Petersburg, 2004. 237 p.
10. Tsin Hua. *Russkiy natsionaknyy kharakter glazami kitaytsev* (Russian national character through the eyes of the Chinese people). *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya* (Ojkumena. Regional Researches). Available at: http://www.ojkum.ru/arc/2013_02/2013_02_16.html (accessed 9 September 2014).